

УДК 929

М.Ф. Ершов

Я.М. Рознин: материалы к биографии

Аннотация. В статье на архивных материалах анализируются биографические сведения о Я.М. Рознине (1896–1934 гг.). Выходец из крестьян Шадринского уезда, Я.М. Рознин во время Гражданской войны примкнул к большевикам и сделал в 20-е гг. хорошую административную карьеру. В начале 1930-х гг. он стал основателем Остяко-Вогульского национального округа, первым руководителем исполнительной власти округа и организатором строительства окружной столицы. Такой тип управленца был характерен для переломных исторических эпох, в которые были востребованы энергичные целеустремленные личности.

Ключевые слова: аппарат, биография, большевики, война, история, коллективизация, номенклатура.

M.F. Ershov

Ya.M. Roznin: materials for the biography

Summary. Biographical data on Ya.M. Roznin based on archival materials are analyzed in this paper. He was the native of peasants of the Shadrinsk district (uyezd). During the Civil war Ya.M. Roznin joined the Bolsheviks and made a good administrative career in 1920s. In early thirties he was the founder of Ostyako-Vogulsk National Okrug, the first head of executive power of the district and the organizer of construction of the district capital. Such type of the manager was typical for critical historical periods when purposeful and dynamic personalities were demanded.

Keywords: device, biography, Bolsheviks, war, history, collectivization, nomenclature.

Биографические сведения позволяют исследователю вырваться из плена бумажного документооборота: протоколов, решений заседаний, выписок, постановлений. Одушевленная история, «поданная» через конкретику человеческих судеб, становится не просто ярче, но и, несомненно, более насыщенной информационно. Жизнь Якова Матвеевича Рознина была типична и уникальна. Его полноценная биография еще не написана. Сведения о судьбе этого человека ограничены краткими публикациями. Часть таких публикаций ранее написана с нашим участием [1, 20–23; 2, 37–39; 3, 254]. В настоящей статье мы поставили задачу, основываясь на архивных данных, вводимых в научный оборот, заполнить некоторые исторические пробелы в его биографии.

Согласно записи в метрической книге, Яков Матвеевич Рознин родился 28 апреля 1896 г. в с. Осиновка Шадринского уезда Пермской губернии, в семье крестьянина. Родители маль-

чика были записаны как «Матвей Стефанов Рознин и законная жена его Серафима Андрианова, оба православные». Метрическая книга зафиксировала восприемников новорожденного. Ими стали односельчане «крестьянин Дмитрий Андрианов Брагин и крестьянская девица Фекла Стефанова Рознина» [4, 13 об.]. Факт примечательный. Большая часть жителей с. Осиновского носила фамилии либо Брагинных, либо Розниных. Поэтому восприемниками оказались представители двух родственных кланов. Налицо также совпадения с отчеством отца и матери. Вероятнее всего, ими были брат матери и сестра отца. Тогда можно предположить, что Дмитрий Андрианович и Фекла Степановна приходились Яше дядей и тетей, а девичья фамилия матери была Брагина.

Мы практически ничего не знаем о детстве и юности Я. Рознина. В сохранившейся автобиографии он лишь вкратце очерчивает ранний период своей жизни: «Сын крестьянина-

бедняка. Условия жизни и воспитание получил самое деревенское. До военной службы в Старой Армии 1915 года 7 августа у отца занимался сельским хозяйством». В анкете, подшитой к автобиографии, Рознин дополнительно сообщает, что его основным занятием до 1917 г. было хлебопашество, побочное: «каменщик» [5, 20–21]. В некрологе о смерти Я. Рознина «Памяти стойкого большевика-ленинца» дополнительно сообщалось, что он с 12 до 15 лет работал по найму у ямщика Боровых кучером, а с 16 до 18 лет работал у разных подрядчиков по каменным работам [6].

Судя по документам, отец Якова, Матвей Степанович, появился на свет в 1871 г., в большой крестьянской семье. У него были три брата: Гавриил, Иван, Дмитрий [7]. Сын Матвея, Яков, был, видимо, старшим. Уже после Гражданской войны в семействе Матвея Степановича проживало «всего-навсего» 11 человек [8, 35 об]. Когда в 1915 г. Якова забирали на службу в действующую армию, его младшим братьям было 16, 12 и 9 лет. Сестры, как невоеннообязанные, в призывной ведомости не указывались и о них ничего неизвестно [9, 29–30]. Матвей Степанович был грамотным и сумел дать образование старшему сыну. В 1908 г. Яков окончил трехклассное Осиновское училище, о чем получил свидетельство Шадринского уездного училищного совета за № 479 [10, 1]. Даже такое низшее образование в начале XX в. давало некоторые перспективы. Однако воспользовался ими Я.М. Рознин далеко не сразу.

Перед призывом в армию (и на войну) Яков женился. На службу новобранца провожала молодая жена, 19-летняя Александра Алексеевна. Детями обзавестись молодожены еще не успели. Якову Рознину везло. Почти два года он находился в тыловых частях. Служба его шла успешно. Яков дослужился до младшего унтер-офицера, стал командиром взвода. Наверное, не последнюю роль здесь сыграли полученное им образование, дефицит командного состава, инициативность и волевые качества.

Здесь, на фронте, Яков сблизился с большевиками и вел «в рядах армии работу против Учредительного собрания и войны» [11, 21]. События тогда следовали с калейдоскопической

быстротой. Разложение армии достигло предела, солдаты отказывались воевать, братались с противником. А.Ф. Керенский не мог навести порядок ни на фронте, ни в тылу. Какое участие во всем этом хаосе принимал унтер-офицер Я.М. Рознин, точно неизвестно. В автобиографии он глухо упоминает о вооруженном столкновении с войсками Центральной Рады и армией Д.Г. Щербачева, заместителя командующего Румынским фронтом, осенью 1917 г.

Как бы то ни было, после восьмимесячного пребывания в Румынии, «неорганизованным порядком» бывший солдат вернулся уже в Советскую Россию, в родное Зауралье. На местах в это время создавались органы Советской власти и Я. Рознин, наряду с сельским хозяйством, занялся общественной, в первую очередь «культурно-просветительной», работой [12, 21]. Степень его вовлеченности в мероприятия Советов тогда еще не была значительной. Во всяком случае, после скорого прихода белых, Я. Рознин остался на свободе. Для него, только что вернувшегося с войны, крестьянское хозяйство накануне и в период посевной, состарившийся отец и молодая жена не оставляли слишком много времени на занятия политикой. Пошли дети: Анна, Евдокия и младший Борис, родившийся уже в 1922 г.

Однако мирная жизнь в очередной раз была прервана весной-летом 1918 г. На востоке страны восстал чехословацкий корпус, началась Гражданская война. В боевых действиях Я.М. Рознин участия не принимал. Фактически он оказался в числе везунчиков. Яков не ушел с добровольными полурегулярными частями формирующейся Красной Армии на запад. Его, как неблагонадежного, не призвали и в Белую армию. Более того, в марте 1919 г. Рознин, что явствует из его автобиографии, открыто выступил на митинге против мобилизации крестьян в армию Колчака. Был арестован, несколько месяцев провел в тюрьме, «откуда был вожен на расстрел», отмененный по неизвестным причинам.

После, находясь под надзором, поддерживал связь с «кустарниками», снабжая их необходимыми сведениями. «Кустарниками» или «кустарниковыми батальонами» называли дезертиров, которые скрывались в лесах от

мобилизации в Белую армию, переходя время от времени к партизанской борьбе. Партизанский отряд Осиновской волости насчитывал около 60 человек. А всего в лесах юго-восточнее Каргополья скрывалось до тысячи кустарников [13]. В партизаны Я. Рознин не ушел, боясь за семью, «которой угрожали нагайки и грабеж» [5, 20–21 об.].

С приближением фронта у белых проходила одна мобилизационная кампания за другой. Призыву на военную службу подлежали военнообязанные мужчины, у крестьян забирали лошадей [14, 203–206]. Рознин скрылся в лесу, дожидаясь прихода красных войск. Однако Рознина миновала и возможная мобилизация в Красную Армию. С приходом Советской власти он был избран председателем Осиновского сельского совета, откуда через несколько дней был «для пользы службы переведен делопроизводителем Волостного военного Комиссариата» [5, 20–21 об.]. Зауральцу помогли навыки грамотности. У военных комиссариатов была масса работы. Пришедшие красные в первую очередь начали проводить мобилизационные мероприятия. Так, на территории Шадринского уезда с 1 октября 1919 г. по 11 мая 1920 г. формировалась 10-я кавалерийская дивизия [14, 250–252].

Осенью и зимой 1919 г. в Южном Зауралье свирепствовал тиф. В Шадринске люди умирали прямо на улицах [14, 241]. На следующий год вспыхнуло крупнейшее антибольшевистское Западносибирское восстание. И, наконец, в 1921 г. разразился страшный неурожай, приведший к голоду, доходящему до людоедства. Во второй половине 1920 – первой половине 1921 г. члены РКП (б) Шадринского уезда считались мобилизованными. Это мероприятие коснулось и коммуниста Рознина, хотя время его вступления в РКП (б) не вполне ясно. Сам он определял дату вступления ноябрём 1917 г., числился с сентября 1919 г., но в документах зафиксированы и иные даты [5, 20–21 об.]. Судьба ему благоволила. Из беспокойной сельской местности Рознин был направлен работать в безопасный Шадринск в Отдел управления местного исполкома. Служба в Исполкоме также давала отсрочку от призыва в Красную Армию [15, 1–3].

В это время из Шадринска посылались в мятежную округу карательные отряды. Военные столкновения шли в Ишимском, Ялуторовском, Челябинском, Курганском уездах. Фактически город был окружен с большинства направлений. Вооруженные отряды противников продразверстки действовали и на территории Шадринского уезда. Нарастало взаимное ожесточение. Крестьяне, доведенные до отчаяния изъятием хлеба, взялись за оружие и начали уничтожать коммунистов поголовно. В свою очередь официальные власти расстреливали заложников [16, 52–150]. Только переход к НЭПу позволил прекратить кровавую вакханалию.

После окончания Гражданской войны Рознин продолжал находиться в городе на различных административных должностях. Его жена с малолетними детьми осталась жить с родителями мужа. Именно в это время его семейный союз и начал распадаться; у Якова Матвеевича появилась другая женщина, на которой он впоследствии и женился. Но официальное расторжение первого брака произошло только в декабре 1922 г. Кем была новая избранница Я.М. Рознина? Валентина Николаевна родилась в Екатеринбурге 8 декабря 1904 г. (по старому стилю) в семье служащего, окончила 3 класса гимназии и «группу II ст.» в г. Шадринске. С июля 1920 г., еще не достигнув и 16 лет, она устроилась работать машинисткой. Брак между ними был заключен в 1922 г., 16 декабря, уже по новому стилю. Жених в этом же месяце развелся с прежней женой, а невесте до 18-летия оставалась еще неделя... В дальнейшем Валентина Николаевна постоянно следовала за супругом в его служебных перемещениях, но карьеры не сделала, занимая низшие канцелярские должности. С 1926 г. числилась кандидатом в члены ВЛКСМ [17, 216–218].

Постепенно Рознин набирал аппаратный вес. Уже в феврале 1921 г. он был выбран секретарем ячейки РКП (б) при Уисполкоме. Обязанности секретаря не оплачивались, но по партийной линии, формально, все уисполкомовское начальство подчинялось делопроизводителю Я.М. Рознину [18, 3]. При Советской власти это было традиционное начало карьерного старта. И, действительно, с июня 1922 г.

он перешел работать в уездный комитет РКП (б). Свидетельствами доверия к Я. Рознину являются его делегатские билеты сначала на Шадринскую уездную, а затем и на Екатеринбургскую губернскую конференции в 1922 г. [19, 1–2].

Затем Рознин последовательно трудился в прокуратуре, занимал другие должности. В местной газете «Трудовая правда» появляются его заметки. Содержание их различно. О 5-й годовщине революции («Почему Октябрьский праздник важнее поповских для крестьянства?») [20, 2], о необходимости борьбы с суевериями, невежеством и хулиганством («Наши недочеты») [21, 2]. Общественное зло – хулиганство – в 1920-х гг. было на подъеме [22, 2]. В конце 1922 г. Рознин оказался в числе представителей рабоче-крестьянской инспекции, командированных «для производства ревизии в Уездно-городскую милицию» в Шадринске.

Современники отмечали, что Я. Рознин умеет работать с людьми. Его способности использовались в предвыборной кампании 1924 г. Согласно полученному мандату, Рознин был «уполномоченным Райисполкома по перевыборам Советов и Бюро сельских ячеек РКП (б)» в ряде сельских советов Шадринского района. При этом сельские советы были обязаны предоставлять командировочному уполномоченному бесплатные подводки [23, 6–7]. В работе Рознину помогали его исполнительность и хорошее происхождение: «крестьянин-бедняк», профессия: «хлебороб».

Много хуже было тем, кто ими не обладал. В сентябре 1923 г. Рознин возглавлял Шадринскую уездно-городскую комиссию по чистке советского аппарата. Эта комиссия отстранила десятки людей от занимаемых должностей. Основания были разные, но решающим фактором для увольнения было социальное происхождение и отношение к Советской власти. Выборочно перечислим некоторые формулировки для обоснования увольнения: «как элемент, чуждый Советской власти», «как не член Профсоюза (белогвардейский офицер), ссыльный», «как несоответствующего духу времени», «за грубое обращение и служившего в карательном отряде у Колчака», «как неблагонадежный элемент», «как находящегося под

судом за хранение самогонки», «бывшего князя, как вызвавшего подозрение в хозяйственном обрастании не посредством службы», «как малограмотного и имеющего основную специальность портного, что является средством к безбедному существованию», «как малограмотного и имеющего свое сельское хозяйство» [24, 1–10]. В те времена ОГПУ регулярно составляло аналитические записки (госинфсводки, оперсводки), основанные на сообщениях секретных агентов. С их содержанием знакомили ответственных партийных и советских работников, к которым уже относился Я.М. Рознин [25, 90–98].

С 1924 г. Рознин возглавил Каргопольский районный исполнительный комитет, или сокращенно райисполком, РИК. Между тем кадровый состав служащих района оставлял желать лучшего. В «Информационной сводке» сообщалось, что заместитель председателя РИКа был снят с должности «за грубое отношение и пьянство». Отмечались также недостатки в работе районной милиции; указывалось, что «технический аппарат РИКа по квалификации слаб, но подобрать его не представляется возможным: на месте не имеется, а из города не едут на существующую зарплату» [26, 350–358]. Являясь формально главой исполнительной власти, Рознин тем не менее полновластным хозяином района не был. Специфика советской государственности была такова, что, отвечая за хозяйственные дела, председатель РИКа находился в полном подчинении у райкома РКП (б).

В архивных делах отложились частые упоминания фамилии Рознина: в резолюциях, протоколах различных заседаний по текущим вопросам. Документооборот мало что говорит о психологии советских управленцев той поры. Куда интереснее для исследователя материал о трагедии и склоке в Каргопольском детском доме. В эту нездоровую склоку оказалась втянута немалая часть управленческой верхушки района и даже Шадринского округа и характеры людей здесь раскрылись достаточно ярко. Противоположными сторонами в этом конфликте стали Яков Матвеевич Рознин и Владимир Николаевич Старостин.

Судя по всему, порядка в детском доме не было, о чем хорошо знали жители с. Каргополье и администрация района. Первоначальный конфликт разгорелся между завхозом Кононовым и заведующим Колокольцевым. По эмоциональному свидетельству Старостина завхозом Кононовым детдом был превращен ни во что иное, как дисциплинарный батальон «времен Аракчеева. Избиение было нормальным явлением». Кроме того, Колокольцев заметил за Кононовым растрату денежных средств. Однако когда заведующий попытался вскрыть злоупотребления, то «полетел из детдома». Ему были предъявлены обвинения в том, что он состоит в связи с воспитанницей. Дело дошло до Президиума РИКа, свидетелями выступили Кононов и одна из прачек.

Затем настал черед нового заведующего – Старостина. Кононов продолжал расхищать средства. Через голову РИКа, на помощь которого он не надеялся, Старостин информировал об этом Окружной отдел народного образования. Была проведена ревизия, которая и обнаружила большие злоупотребления. Коконова отдали под суд. Причина уверенного поведения завхоза была проста. Её раскрыл в разговоре один из административных работников: «Старостин вел неправильную политику, ему надо было объяснить Кононову его поступок и постепенно его заглаживать, а не губить партийца».

В отличие от члена РКП (б) Коконова Старостин в партии не состоял. И путь ему туда был заказан. Старостин числился неполноценным «перед рабоче-крестьянской властью за свою верную службу батюшке Колчаку, которого он с оружием в руках защищал против натиска красных отрядов». В Гражданскую войну он был белым офицером. Старостин, правда, пытался акцентировать внимание на том, что он «не причастен к репрессиям», но помогало это заведующему мало. В числе обвинений звучали и такие: «уволить Старостина из д/дома, считая недопустимым, чтобы воспитанием пролетарских ребятишек занимался человек с явно монархическим уклоном».

Старостин вступил в должность заведующего детским домом 6 февраля 1925 г., а буквально через несколько часов разразилась трагедия. Из полухолодного изолятора, где находились больные дети, ночью мальчик Максимов стал проситься на двор оправиться. Одна

из восьмилетних девочек вывела его во двор в одном белье, а сама ушла спать, видимо, закрыв дверь. На плач и крик внимания никто не обратил и больной туберкулезом ребенок, пробыв на холоде до утра, «в тот же день помер». Супруги Старостины (заведующий детдомом и его жена) показали следователю, «что они только вступили в службу, не ознакомились с положением и что детей они навещали». Последнее утверждение не подтверждено свидетельскими показаниями воспитанников.

Похоже, что смерть ребенка большинства действующих лиц просто не взволновала. Обвинительное заключение по уголовному делу было составлено только 29 июня. В документах сообщение о смерти Максимова на фоне конфликта между председателем РИКа и заведующим детским домом выглядит блёкло. На сегодняшний день невозможно выявить его подлинные истоки. Версии сторон расходятся. Супруги утверждали, что Рознин склонял Серафиму Емельяновну Старостину («18 лет, грамотная, б/партийная, служащая») к половому сношению, а после отказа начал мстить ее мужу («25 лет, грамотный, беспартийный, служащий, на иждивении один человек»). Рознин обвинение в домогательствах и незаконном увольнении категорически отрицал.

Как бы то ни было, Старостин в июле 1925 г. действительно был уволен. Я. Рознин формально не принимал непосредственного участия в увольнении заведующего. Последующая попытка Старостина устроиться работать в Скоробогатскую школу была пресечена районным начальством. В борьбе с оппонентами Старостин использовал помощь со стороны свояка, председателя правления окружного союза работников просвещения. Не чуждались Старостины и апелляции к идеологическим клише. Так, после увольнения из школы Старостин обращал внимание, что одна из его преемниц «в 1925 г. была регентом в церкви», а осенью занималась торговлей. Следовательно «Парт-Коллегии Шадринской Окружной Контрольной Комиссии Р.К.П.(б)» вынес постановление от 24 февраля 1926 г. об оправдании Рознина. Смерть ребенка и беспорядки в детском доме следователем не рассматривались и никому из персонала районной администрации в вину поставлены не были [27, 21–65].

Рознин ревниво относился к возможным репутационным издержкам. В том же 1925 г. его

возмущение вызвала помещенная в окружной газете «Рабоче-крестьянская правда» стихотворная заметка «Каргопольские курьезы», в которой критиковался председатель РИКа, не выделивший денег на спецодежду для курьера милиции Черноталова. Автор заметки укрылся под псевдонимом «дед Панкрат». Не опускаясь до уровня редакции, Рознин написал письмо в курирующее газету Оргбюро Шадринского

Окружкома РКП (б). Автор письма отлично знал неписанные нормы той бюрократической среды, в которой вращался [28, 89 об.].

Судя по всему, конфликты не повлияли на образ Я.М. Рознина, как крепкого ответственного работника. В 1926 г. председателя Каргопольского РИКа переводят с повышением на работу в Окрисполком. Теперь он вошел в состав шадринской окружной номенклатуры.

Фото 1. Члены Шадринского исполкома в 1926 г.
Во втором верхнем ряду крайний справа Я.М. Рознин [29]

В гигантский Шадринский округ в то время входили 19 районов. Я.М. Рознин возглавил Окружной отдел местного хозяйства. Должность эта была максимально хлопотливая. Рознин отвечал за муниципальную недвижимость, пожарное дело. Очень часто прежние владельцы обращались с жалобами, пытаясь вернуть имущество, отошедшее государству в горячке

Гражданской войны. Именно имущественными делами по недвижимости и занимался Я.М. Рознин [30].

Окрисполком располагался в центре Шадринска, в помещении бывшего Реального училища, ныне здесь местный пединститут (фото 1). Одна из фотографий с участием Я.М. Рознина сделана в его стенах (фото 2).

Фото 2. Участники 5-й сессии 2-го созыва Шадринского окрисполкома (1926 г.).

Я.М. Рознин второй слева во втором ряду снизу [31]

Спокойные 1920-е гг. начались позднее, только после преодоления чудовищного голода, и слишком рано закончились. Как только был сверстан первый пятилетний план (1928–1932 гг.), Советская власть озаботилась его материальным обеспечением. В апреле 1927 г. Я.М. Рознина, как хозяйственника, переводят руководить Окружным земельным управлением. Должность эта, в условиях нарастания аврала коллективизации, была по существу бесперспективной, причем вне зависимости от личных усилий того или иного человека. Очень скоро в адрес Рознина и его управления появились критические замечания не только в бюрократической переписке, но и в официальной печати. Рознин также выступал, призывал, обещал, оправдывался [32, 2]. В конце 1928 г. в Шадринске состоялось Окружное совещание по поднятию урожайности. С докладом на нем выступил Я.М. Рознин. Судя по опубликованному в газете тексту доклада, заведующий Окружным земельным управлением даже не предполагал, какое начало крутой и кровавой ломки ждет страну, крестьян и его лично менее чем через год [33, 4].

С октября 1929 г. Рознин фактически пошел на понижение. В 1929–1930 гг. Рознин – председатель Шадринской окружной комиссии по

сплошной коллективизации. Одновременно Рознин числился председателем Мехонского РИКа и там же возглавлял организацию Колхозкомбината. В совмещении двух должностей прослеживается связь с развернувшимся в Уральской области показушным авантюристическим строительством колхозов-гигантов. В Ирбитском районе власти так и называли наспех созданный колхоз – «Гигант». Он на непродолжительное время собственного существования стал самым крупным в СССР. По замыслу его организаторов общее количество вовлеченных в колхоз крестьянских хозяйств необходимо было довести до 10 тыс. Вслед за ним колхозы-гиганты планировалось создать в ряде других районов, в том числе Шадринском и Мехонском. Территории таких колхозов должны были совпадать с административными границами районов [34, 112–113].

Опубликованная в марте 1930 г. статья Сталина «Головокружение от успехов» отразилась на карьере Рознина. Вождь предпочел свалить ужасы коллективизации на местное руководство. Громкую уральскую инициативу с колхозами-гигантами пришлось по-тихому свернуть. По сути Я.М. Рознину грозила участь стать одним из крайних в провале планов колхозного строительства. Так, например, в Уральской

области несколько десятков особо рьяных мелких функционеров были осуждены по уголовным статьям. На некоторое время Рознин, бывший начальник окружного уровня, оказался в незавидной роли председателя маленькой коммуны «Освобожденный Урал» (очевидно, в д. Барневка (по другой версии – в Мехонском), недалеко от Шадринска) [35]. В апреле 1930 г. Уралобком ВКП (б) разослал на места секретное письмо. «В процессе коллективизации отдельные районные работники в связи с перегибами и ошибками, допущенными в этой работе, – говорилось в письме, – настолько дискредитировали себя в глазах населения, что дальнейшая их работа в этих районах вряд ли возможна и целесообразна. В то же время часть из них в другом месте могла бы быть использована на работе примерно такого же характера. Поэтому оргинструкторский отдел считал бы необходимым переместить скомпрометировавших себя работников в другие районы или округа» [36, 178].

Прежняя деятельность Рознина идеально подпадает под основные положения данного письма. Её сопровождал лавинообразный рост числа шадринских крестьян, «добровольно» записавшихся в колхозы зимой 1929–1930 гг., а затем, после выхода сталинской статьи, скачкообразный же выход из только что созданных колхозов. Было официально признано (Президиумом Шадринского окрисполкома), что незаконно завышено число раскулаченных крестьян. Решениями судов в Шадринском округе из числа раскулаченных были восстановлены приблизительно 1 000 хозяйств. Власти приостановили высылку части раскулаченных на Север [13]. По свидетельству писателя Ф. Панферова, в Зауралье дезориентированная часть земледельцев, спасаясь от колхозов, уезжала, куда глаза глядят [37, 210–211].

После должности председателя коммуны судьба (точнее – решение Обкома) забросила Я. Рознина в Свердловск. Прежнее падение советского функционера обернулось потенциальными возможностями для нового карьерного рывка. Об этом свидетельствует судьба Л.И. Брежнева. Он, еще не став коммунистом (Брежнев родился в 1906 г. и был младше Рознина на 10 лет), приехал на Урал и быстро вырос до заместителя руководителя Областного земельного управления, обойдя по служебной

лестнице Я. Рознина. Вполне возможно, что Яков Матвеевич и Леонид Ильич встречались в коридорах Областного земельного управления. Здание этого управления в Свердловске находилось недалеко от площади 1905 г. на улице Троцкого, вскоре переименованной в улицу 8 Марта. Можно предположить, что успехи в карьере Л.И. Брежнева были, среди прочего, связаны с его образованием – он недавно окончил техникум. Уехав с Урала, Брежнев учился на инженера и после получения второго диплома переключился на советскую и партийную работу.

В 30-е гг. наступала новая эпоха, где управленцам, кроме преданности Советской власти и партии, требовались и системные знания. Малограмотные руководители, жившие прошлыми заслугами, постепенно смещались на периферию. Видимо, это произошло и с Я. Розниным. Нельзя сказать, что вышестоящие товарищи им были недовольны – в 1931 г. Рознин, например, даже избирается членом Уральского облисполкома, но все значимые места на столичном олимпе Урала уже были заняты. Рознин пытался переломить ситуацию. В 1931 г. он поступил на заочное отделение при Уральском комвузе, который так и не окончил.

Помешало постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10 декабря 1930 г. Согласно этому постановлению, в составе Уральской области был образован Остяко-Вогульский национальный округ [38, 19]. Это постановление было не только не продумано, но и свалилось на областную власть как снег на голову. Историю организационных усилий Уралобкома ВКП (б) опубликовала Н. Дементьева. Согласно её разысканиям, лишь

21 апреля 1930 г. принимается решение начать районирование недавно провозглашенных округов. Логично, что реализацией этого решения должен был заниматься и кто-то из планово-земельного отдела.

Вряд ли потенциальных кандидатов устраивала фактическая ссылка на далекий, почти не изученный малонаселенный Тобольский Север. Чтобы подсластить пилюлю, принимается пункт, что, учитывая особо трудные условия, партминимум зарплаты в туземных округах приравнивается к партмаксимуму Свердловска (260 руб.) с десятипроцентной надбавкой в первый год, двадцатипроцентной во второй и

тридцатипроцентной – в третий с применением всех льгот и преимуществ, установленных правительством для работников отдаленных местностей.

Затем, 24 мая, принимается решение о персональном составе Оргбюро по организации округа. В числе направленных оказались Рознин (как будущий председатель окрисполкома), Дружинин (как секретарь окружкома), Андрианов (председатель окружной контрольной комиссии – рабоче-крестьянской инспекции), Таровский (секретарь окружкома ВЛКСМ). В октябре к ним добавят еще несколько человек, причем некоторых служащих отозвали с очной учебы в Уральском коммунистическом университете, а на сборы в дорогу дали два дня, «ввиду предстоящего закрытия навигации». Документы об округах явно готовили в авральном порядке, частенько даже искажая их еще непривычные названия [39, 24–25].

Согласно архивным разысканиям В. Патрановой, первоначально, в апреле 1931 г., на пост председателя создаваемого окрисполкома был предложен И.П. Берстенов, занимавший аналогичную должность в Тобольске. Затем, уже в мае, появляется постановление бюро фракции ВКП (б) Уральского облисполкома «Об укомплектовании советскими работниками Остяко-Вогульского (Самаровского) округа. Здесь фамилия Берстенева зачеркнута и вписана новая – Рознин [40, 73]. Так, во многом благодаря случаю начался заключительный и самый яркий период жизни Я.М. Рознина.

Сомнительно, чтобы инициатором решения о переезде из родных мест на далекий Север был сам Рознин. Формально для него новое назначение было повышением, но повышением таким, от которого «спину ломит». Кроме того, в семье Рознина недавно прибавилось хлопот – родилась дочь Эмма. Однако приказы партии в то время не обсуждались. По воспоминаниям очевидцев, правящую партию в Уралобкоме олицетворял тогда только один человек – максимально авторитарный первый секретарь И.Д. Кабаков.

Положение Я. Рознина осложнялось тем, что у него фактически отсутствовали детально проработанные планы будущей деятельности. Я. Рознина – строителя округа и его столицы – окружали партийные функционеры, крупные хозяйственные руководители, ведавшие ис-

пользованием бесплатного труда спецпереселенцев и непосредственно подчиненные Уралобкому, а также карательный аппарат ОГПУ и НКВД. Сложно сказать, были ли у первого руководителя округа надежные соратники. В «Докладе о состоянии работы Остяко-Вогульского национального округа» за вторую половину 1931 г. присутствует удручающая фраза: «о качестве работников советов не приходится и говорить» [41, 2]. После преждевременной кончины Я.М. Рознина его вдова осталась с двумя маленькими детьми на руках (на Севере в 1934 г. родилась еще одна дочь – Берта). По воспоминаниям дочери, В.Н. Рознина, работая машинисткой, оказалась в тяжелом материальном положении без достаточной помощи от окружных властей [42, 11].

Несомненно, что Я.М. Рознину было крайне тяжело психологически. Даже в окружном центре, который строился в раскорчеванной тайге, у новоприбывших, в особенности у ссыльных, были тяжелейшие материально-бытовые условия. Здесь на одного человека в среднем приходились 1–1,5 кв. метра жилой площади [41, 46]. У спецпереселенцев, живших в насоро выкопанных землянках, свирепствовали болезни, голод. Но Рознин как публично, так и внутренне не мог сочувствовать раскулаченным поселенцам. В литературе достаточно часто цитируется фраза, прозвучавшая в одном из распоряжений председателя окрисполкома: «Следует твердо помнить, что спецпоселенцы есть социально опасный элемент, который находится на известном режиме людей, лишенных гражданских и политических прав. Расценивать их как местное население не следует» [43, 343].

Смысл этой фразы перекликается с оценкой кулачества у писателя Ф. Панферова: «Да, этим уступи – и они будут резать нас, наших детей» [37, 211]. Уступать раскулаченным никто и не собирался. Историк Н.Н. Попов емко определил один из пунктов размещения сосланных как «типичную резервацию» [43, 346]. Суровая действительность буквально на каждом шагу опровергала абстрактные умозрительные схемы. Почти все в округе было в дефиците, сроки срывались, рабочая сила использовалась расточительно и нерационально. Весной 1933 г. Уралобком признал работу Остяко-Вогульского неудовлетворительной [44, 20–21].

Со своей должности был смещен ответственный секретарь окружкома Ф.Л. Дружинин.

Тогда, в большинстве случаев, авторы эксперимента причины неудач привычно видели не в системном кризисе, а в частной нерасторопности, во враждебных происках. С теми, «кто против нас», предпочитали не церемониться. Только за вторую половину 1931 г. в окружном центре были осуждены по делам об охране социалистической собственности (знаменитый указ «о семи колосках») 8 человек. Один был расстрелян, остальные получили минимально возможный срок: 10 лет [41, 44]. Власть не делала секрета из расстрелов. В следующем 1932 г. окружная газета «Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда)» сообщала еще о нескольких 10-летних сроках и о расстреле кулака Усольцева. Его вина состояла в том, что он со склада украл «ящик рыбы, стоимостью 74 коп.», 5 пиджаков и 2 пары сапог. Общая цена похищенного имущества составила 327 рублей [45].

По воспоминаниям современников, Рознин трудился много, не жалея себя. Именно этим, собственно говоря, он и запомнился людям. В документах сохранилось решение о распределении персональной ответственности между членами окрисполкома. В этом списке Рознин отвечал за общее руководство, курировал ОГПУ и милицию, решал оборонные вопросы, вопросы снабжения и заготовок, финансовые вопросы [46, 124]. Характерной особенностью руководства округом при жизни Рознина было то, что председатель окрисполкома все время был на первых ролях. Складывается ощущение, что он (в делах, в газетных публикациях) постоянно «затмевал» очередного секретаря окружкома. Наверное, это было связано с кадровой чехардой во властных институтах. Недолго продержался уже упоминаемый Ф.Л. Дружинин, с которым Рознин работал еще в Свердловске. В 1933 г. его сменил А.Я. Сирсон, но и он был на должности только до 1934 г. [35].

Фото 3, 4. Похороны Я.М. Рознина в Остяко-Вогульске [47]

Здоровье Я.М. Рознина резко ухудшилось. 22 сентября 1933 г. был составлен акт экспертной врачебно-медицинской экспертизы. Консилиум врачей признал, что Я.М. Рознин «страдает психоневрастением в тяжелой форме и миокардиопатией». Ему были рекомендованы срочный отпуск, сроком на 2–3 месяца и специализированное лечение в санатории в Севастополе [48].

Однако 17 января 1934 г. последовал новый административно-территориальный передел. Постановлением ВЦИК РСФСР Остяко-Вогульский национальный округ был включен в состав новообразованной Обско-Иртышской области [35, 10].

Весной 1934 г. должен был начаться запланированный Розниным отпуск. Но он так и не состоялся. 6 мая 1934 г. Яков Матвеевич, только что перешагнувший 48-летний рубеж, скоропостижно скончался. За день до этого президиум окрисполкома рассмотрел вопрос «Об отпуске по болезни тов. Рознина». Первого главу исполнительной власти округа похоронили не на кладбище (фото 3, 4). Его могила располагалась в центре города, рядом со зданием Окрисполкома, в котором Яков Матвеевич и трудился [6].

Потомки оказались не слишком благодарны к памяти Я.М. Рознина. В Ханты-Мансийске есть улица его имени. По иронии истории она

расположена не слишком удачно – в районе, который в обиходе по-прежнему называется «Перековка». Здесь когда-то жили спецпоселенцы... До сих пор неясен вопрос: где же покоится прах основателя Ханты-Мансийска? Долгое время за Музеем Природы и Человека находилась скромная пирамидка, украшенная звездой. Известно, что под ней скрывалось несколько захоронений. В 2007 г. из одной могилы прах был перезахоронен. Похоже, про остальные захоронения городские власти, коммунальные службы и музейные работники даже и не вспомнили [42]. По-прежнему остается открытым неоднократно задаваемый вопрос: когда будут найдены и идентифицированы останки Я.М. Рознина и увековечено его захоронение в г. Ханты-Мансийске? Кроме того, у родственников Якова Матвеевича сохранились семейные предания и документы, но и они еще недостаточно включены в научный оборот.

Автор благодарен за посильное участие в разысканиях исторических источников своим бывшим студентам Оле Герасимчук, Наташе Карпиковой, Андрею Сажаеву. Особая признательность – Л.И. Розниной, О.Д. Сидоровой, сотруднику Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) Д.В. Филипчуку и работникам Государственного архива г. Шадринска Л.А. Бяковой и А.В. Чепровой.

Литература

1. Ершов М.Ф., Герасимчук О.В. Яков Матвеевич Рознин: материалы к биографии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв. Сб. мат. межрегион. научн. конф. Курган, 2004. С. 20–23.
2. Герасимчук О.В. Рознин, Шадринск и Ханты-Мансийск // Шадринская старина. 2001. Краеведческий альманах. Шадринск. С. 37–39.
3. Ершов М.Ф. Яков Матвеевич Рознин // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 4 (дополнительный). А–Я. Ханты-Мансийск, 2005. С. 254.
4. Государственный архив г. Шадринска (далее – ГАШ). Ф. и-243. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАШ. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1.
6. Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). – 1934. – № 46–47 от 12 мая.
7. Личный архив Л.И. Розниной.
8. ГАШ. Ф. р-168. Оп. 1. Д. 55.
9. ГАШ. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 23.
10. ГА ХМАО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1.
11. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXIV очередной сессии. Пермь, 1894. С. 416–433.
12. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1.
13. Предеина. Сайт потомков рода Предеиных, Коровиных, Мошнинных, Белоноговых // URL: <http://www.predeina-zaural.ru>. Дата обращения: 10.12.2013.
14. Пашков А.А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920 гг.). Шадринск, 2007.

15. КУ «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (далее – ГА ХМАО). Ф. 499. Оп. 1. Д. 3.
16. Зауральское крестьянство. 1919–1923 гг. Материалы и документы. Курган, 2008.
17. ГАШ. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 97.
18. ГА ХМАО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1.
19. ГА ХМАО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 4.
20. Рознин. Почему Октябрьский праздник важнее поповских для крестьянства? // Трудовая правда (Шадринск). – 1922. – № 41 от 4 ноября. – С. 2.
21. Рознин. Наши недочеты // Трудовая правда (Шадринск). – 1922. – № 54 от 7 ноября. – С. 2.
22. У нас в Шадринске. Ужасы тюрьмы или «невинные» развлечения воров, бандитов, заключенных в исправдом // Рабоче-Крестьянская правда (Шадринск). – 1927. – № 98 от 9 сентября. – С. 4.
23. ГА ХМАО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2.
24. ГАШ. Ф. р-168. Оп. 5. Д. 1.
25. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154.
26. ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 4.
27. ГАОПДКО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 1094.
28. ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 5.
29. ГАШ. Ф. р-1069. Оп. 1. Д. 839 (0352), фотоколлекция «История г. Шадринска и Шадринского района в фотографиях».
30. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13.
31. ГАШ. Ф. р-1069. Оп. 1. Д. 787 (0350), фотоколлекция «История г. Шадринска и Шадринского района в фотографиях».
32. Рознин. К пленуму Окрисполкома. Вопросы колхозного строительства // Шадринская окружная крестьянская газета. – 1928. – № 51 от 4 мая.
33. Окружное совещание по поднятию урожайности // Шадринская окружная крестьянская газета. – 1928. – № 148 от 23 декабря.
34. Еремин А.С., Корнилов Г.Е. Коллективизация ирбитского крестьянства // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 101–127.
35. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 // URL: www.knowbysight.info/RRR/08637.asp. Дата обращения: 10.12.2013.
36. Базаров А.А. Дурелом или господа колхозники. Кн. первая. Курган, 1997.
37. Панферов Ф. Собр. соч. в шести т. Т. I. М., 1986.
38. Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: Полномочия, функции, структура: Сб. док. Ханты-Мансийск, 2002.
39. Дементьева Н. Это начиналось так // Югра (Ханты-Мансийск). – 2000. – № 11. – С. 24–25.
40. Патранова В. В списках значились... // Югра (Ханты-Мансийск). – 2013. – № 12. – С. 72–75.
41. ГА ХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
42. Патранова В. Наш первый «губернатор» // Новости Югры. – 2010. – № 190 (18216) от 9 декабря. – С. 11.
43. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
44. Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). – 1933. – № 31 от 4 апреля.
45. Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). – 1932. – № 62 от 10 октября.
46. ГА ХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32 «а».
47. БУ ХМАО – Югры «Музей Природы и Человека». Фотофонд. № 2076-444.
48. ГА ХМАО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 7.

References

1. Yershov M.F., Gerasimchuk O.V. Yakov Matveyevich Roznin: materialy k biografii // Deyateli sotsialno-ekonomicheskoy, obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Urala i Zauralya XVII–XX vv. Sb. mat. mezhregion. nauchn. konf. Kurgan, 2004. S. 20–23.
2. Gerasimchuk O.V. Roznin, Shadrinsk i Khanty-Mansiysk // Shadrinskaya starina. 2001. Krayevedcheskiy almanakh. Shadrinsk. S. 37–39.
3. Yershov M.F. Yakov Matveyevich Roznin // Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. T. 4 (dopolnitelnyy). A–Ya. Khanty-Mansiysk, 2005. S. 254.
4. Gosudarstvennyy arkhiv g. Shadrinska (daleye – GASH). F. i-243. Op. 1. D. 1.
5. GASH. F. r-82. Op. 1. D. 1.

6. Khanty-Manchi Shop (Ostyako-Vogulskaya pravda). – 1934. – № 46–47 ot 12 maya.
7. Lichnyy arkhiv L.I. Rozninoy.
8. GASH. F. r-168. Op. 1. D. 55.
9. GASH. F. i-8. Op. 1. D. 23.
10. GA KhMAO. F. 499. Op. 1. D. 1.
11. Doklady Permskoy gubernskoy zemskoy upravy Permskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu XXIV ocherednoy sessii. Perm, 1894. S. 416–433.
12. Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy dokumentatsii Kurganskoy oblasti (daleye – GAOPDKO). F. 82. Op. 1. D. 1.
13. Predeina. Sayt potomkov roda Predeinykh, Korovinykh, Moshninykh, Belonogovykh // URL: <http://www.predeina-zaural.ru>. Data obrashcheniya: 10.12.2013.
14. Pashkov A.A. Borba za vlast v Shadrinskom uyezde Permskoy gubernii (1917–1920 gg.). Shadrinsk, 2007.
15. KU «Gosudarstvennyy arkhiv Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry» (daleye – GA KhMAO). F. 499. Op. 1. D. 3.
16. Zauralskoye krestyanstvo. 1919–1923 gg. Materialy i dokumenty. Kurgan, 2008.
17. GASH. F. r-209. Op. 1. D. 97.
18. GA KhMAO. F. 499. Op. 1. D. 1.
19. GA KhMAO. F. 499. Op. 1. D. 4.
20. Roznin. Pochemu Oktyabrskiy prazdnik vazhneye popovskikh dlya krestyanstva? // Trudovaya pravda (Shadrinsk). – 1922. – № 41 ot 4 noyabrya. – S. 2.
21. Roznin. Nashi nedochety // Trudovaya pravda (Shadrinsk). – 1922. – № 54 ot 7 noyabrya. – S. 2.
22. U nas v Shadrinske. Uzhasy tyurmy ili «nevinnyye» razvlecheniya vorov, banditov, zaklyuchennykh v ispravdom // Raboche-Krestyanskaya pravda (Shadrinsk). – 1927. – № 98 ot 9 sentyabrya. – S. 4.
23. GA KhMAO. F. 499. Op. 1. D. 2.
24. GASH. F. r-168. Op. 5. D. 1.
25. GAOPDKO. F. 13. Op. 1. D. 154.
26. GAOPDKO. F. 82. Op. 2. D. 4.
27. GAOPDKO. F. 80. Op. 3. D. 1094.
28. GAOPDKO. F. 82. Op. 2. D. 5.
29. GASH. F. r-1069. Op. 1. D. 839 (0352), fotokollektsiya «Istoriya g. Shadrinska i Shadrinskogo rayona v fotografiyakh».
30. GAOPDKO. F. 13. Op. 1. D. 13.
31. GASH. F. r-1069. Op. 1. D. 787 (0350), fotokollektsiya «Istoriya g. Shadrinska i Shadrinskogo rayona v fotografiyakh».
32. Roznin. K plenumu Okrispolkoma. Voprosy kolkhoznogo stroitelstva // Shadrinskaya okruzhnaya krestyanskaya gazeta. – 1928. – № 51 ot 4 maya.
33. Okruzhnoye soveshchaniye po podnyatiyu urozhaynosti // Shadrinskaya okruzhnaya krestyanskaya gazeta. – 1928. – № 148 ot 23 dekabrya.
34. Yerein A.S., Kornilov G.E. Kollektivizatsiya irbitskogo krestyanstva // Irbitskiy kray v istorii Rossii. Yekaterinburg, 2000. S. 101–127.
35. Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898–1991 // URL: www.knowbysight.info/RRR/08637.asp. Data obrashcheniya: 10.12.2013.
36. Bazarov A.A. Durelom ili gospoda kolkhozniki. Kn. pervaya. Kurgan, 1997.
37. Panferov F. Sobr. soch. v shesti t. T. I. M., 1986.
38. Predstavitelnyye i ispolnitelnyye organy gosudarstvennoy vlasti, organy mestnogo samoupravleniya v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge. 1930–2001 gg.: Polnomochiya, funktsii, struktura: Sb. dok. Khanty-Mansiysk, 2002.
39. Dementyeva N. Eto nachinalos tak // Yugra (Khanty-Mansiysk). – 2000. – № 11. – S. 24–25.
40. Patranova V. V spiskakh znachilis... // Yugra (Khanty-Mansiysk). – 2013. – № 12. – S. 72–75.
41. GA KhMAO. F. 1. Op. 1. D. 15.
42. Patranova V. Nash pervyy «gubernator» // Novosti Yugry. – 2010. – № 190 (18216) ot 9 dekabrya. – S. 11.
43. Ocherki istorii Yugry. Yekaterinburg, 2000.
44. Khanty-Manchi Shop (Ostyako-Vogulskaya pravda). – 1933. – № 31 ot 4 aprelya.
45. Khanty-Manchi Shop (Ostyako-Vogulskaya pravda). – 1932. – № 62 ot 10 oktyabrya.
46. GA KhMAO. F. 1. Op. 1. D. 32 «a».
47. BU KhMAO – Yugry «Muzey Prirody i Cheloveka». Fotofond. № 2076-444.
48. GA KhMAO. F. 499. Op. 1. D. 7..